

*Протоперей
Валентин Бирюков*

Непридуманные рассказы

**На земле мы только
УЧИМСЯ ЖИТЬ**

Валентин Бирюков (Протоиерей)

На земле мы только учимся жить

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37401763
На земле мы только учимся жить: Непридуманые
рассказы. / Бирюков Валентин, протоиерей: Данилов мужской
монастырь; Москва; 2017
ISBN 978-5-89101-607-1*

Аннотация

Со многими удивительными людьми довелось встречаться протоиерею Валентину Бирюкову – 94-летнему священнику из г. Бердска Новосибирской области. Ему было предсказано чудо воскрешения Клавдии Устюжаниной – за 16 лет до событий, происходивших в г. Барнауле в 60-х годах и всколыхнувших верующую Россию. Он общался с подвижниками, прозорливцами и молитвенниками, мало известными миру, но являющими нерушимую веру в Промысл Божий. Пройдя тяжкие скорби, он подставлял пастырское плечо людям неуверенным, унывающим, немощным в вере. В бесхитростных, на первый взгляд, историях угадывается простота чистого сердца, не умеющего сомневаться в благодати Божией, всем существом защищающего «любовь небесную».

Содержание

«В скорбях... надо учиться любить ближнего»	5
Вместо предисловия	8
Сила духа	12
Господи, прости их!	12
«Счастливые вы, что у вас все отобрали...»	15
«Теперь я дома...»	20
«На божью волю!..»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Протоиерей
Валентин БИРЮКОВ
На земле мы только
учимся жить:**

Непридуманные рассказы

РЕКОМЕНДОВАНО К ПУБЛИКАЦИИ ИЗДАТЕЛЬ-
СКИМ СОВЕТОМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ИС-Р17-707-0256

Данилов
мужской монастырь

«В скорбях... надо учиться любить ближнего»

Архимандрит Алексей (ПОЛИКАРПОВ), наместник Данилова монастыря г. Москвы

«Испытавши все плохое, надо людям помогать. Я знаю вкус горя, учился сочувствовать ближним, понимать чужую скорбь. В скорбях – нынешних и грядущих – надо особенно учиться любить ближних», – пишет 94-летний протоиерей Валентин Бирюков из г. Бердска Новосибирской области в своей книге “На земле мы только учимся жить”. Он сам перенес такие скорби, которые не каждому выпадут. И теперь хочет подставить пастырское плечо спотыкающимся, неуверенным, унывающим, немощным в вере, угадать душевную скорбь и облегчить ее.

Более сорока лет служил священником протоиерей Валентин Бирюков. Родом из Алтайского села Колыванское, он ребенком пережил раскулачивание, когда сотни семей были брошены на заведомую гибель в глухую тайгу без всяких средств к жизни. Фронтовик, защитник Ленинграда, награжденный боевыми орденами и медалями, он знает цену труда с малых лет. Труда земного и труда духовного. Он взрастил достойный плод – вырастил троих сыновей-свя-

щенников.

Отец Валентин Бирюков и в преклонных годах сохранил детскую веру, остался открыт чистым сердцем и Богу, и людям. «Милые детки, милые люди Божьи, будьте солдатами, защищайте любовь небесную, правду вечную», – эти слова отца Валентина, обращенные ко всем нам, я бы поставил эпиграфом к его книге.

Простоту веры ощущаешь сердцем, читая бесхитростные, на первый взгляд, рассказы протоиерея Валентина – рассказы, как он сам их называет, «для спасения души». Но через эти – иногда обыденные, иногда потрясающие – истории на нас изливается великая любовь Божия.

Жизнь сводила отца Валентина с удивительными людьми – подвижниками, прозорливцами и исповедниками, мало известными миру, но являющими нерушимую веру в Промысл Божий, веру, творящую чудеса. По милости Божией ему были предсказаны многие события нынешней жизни, в том числе и чудесное исцеление Клавдии Устюжанinou – за много лет до событий, происходивших в г. Барнауле и всколыхнувших тогда верующую Россию.

У отца Валентина особый дар – угадывать в других людях простоту веры, свойственную ему самому, самые запутанные вещи объяснять бесхитростным чистым сердцем. Не будучи богословом, он находит нужные слова и для протестанта, и для заплутавшего грешника, и для высокоумного атеиста. И слова эти часто трогают душу, потому

что сказаны из глубины удивительно верящего и любящего сердца.

Во всех рассказанных им историях ощущается стремление души к Царствию Небесному, неустанное искание его. Потому в рассказах и о самых тяжких скорбях не угасают надежда и упование на Бога.

Вместо предисловия

Свет сострадания

Все мы живем по различным законам. Душевное, материальное правило – оно простое, очевидное. Букву пропустили – смысл слова меняется, цифру пропустили – расчеты неверные получаются, вот вам и авария.

А если нарушается закон духовный? Тут такая «авария» может произойти – настоящая духовная катастрофа! Хотя последствия попрания духовных законов не для всех так ясны, как следствия нарушений законов земных...

Вся наша настоящая жизнь обличает нас в том, что все мы – преступники Закона Божиего. Заповеди нарушаем, а исправиться не хотим. Не видим, не ощущаем своей личной вины, как будто творящееся вокруг беззаконие нас не касается.

В Бердске, где я живу и служу Господу, например, то и дело встречаю девочек, без всякого стеснения курящих прямо на улице. Подхожу к ним:

– Здравствуйте, девочки. Почему вы курите? Как вам родители разрешают это?

– А папа и мама сами курят...

Вот вам и исток нынешнего разврата – от самих родителей. Если они не запрещают своим чадам смотреть сквер-

ные передачи по телевизору, потому что «детям нравится» или потому что «все смотрят», – сколько горя, сколько несчастья бывает посеяно таким равнодушием! И дети нам не скажут доброго слова за эти нарушения нравственного закона. Сами родители не хотят понимать духовного – вот и горе, вот и несчастье, вот и «авария»: детки малые, девочки прямо на уроках скверные слова говорят...

Я помню, когда мы учились, у нас и понятия не было о хульном слове. Мы никогда не думали, чтобы обидеть кого-то или чужое взять. Не потому, что мы какие-то особенные были, – просто понятие о послушании, о правде все-таки еще не было разрушено, несмотря на господство безбожной власти. А сейчас вместо христианской нравственности – разруха и обман. Вот потому и скорбей так много. Но и скорби, попущенные Богом для исцеления души, часто вызывают у нас ожесточение. Появляется озлобление на всех и вся – бывает, готовы все керосином облить, спичку поднести, пусть все сгорит. Так действует скорбь в иных людях.

Это потому, что враг, сатана, разжигает в нас зависть, покушаясь на Промысл Божий, на Небеса. Он сам не может терпеть чужой радости и благоденствия, так как в нем нет любви и даже малейшего терпения, он должен только мстить – и нас в такое состояние затягивает.

Но забудем ли, что скорбь Христова каждого христианина касается, забудем ли, как Христос говорил, что скор-

бями и болезнями будут спасаться души наши?

За свою жизнь я много встречал людей, страдавших ради Христа. И не только мучеников за веру. А и тех, кто принял житейское, земное страдание как дар Божий для спасения души, кто через свою скорбь начал жалеть и понимать всех несчастных, страждущих.

Чтобы понимать горе другого, чтобы любить, чтобы помочь, человек должен сам испытать искушение – как говорит Христос. Кто знает вкус этого горя, этого страдания, тот сожалеет о боли другого, понимает его скорбь, сочувствует – ведь у него свое воспоминание о такой же боли, он знает, как это тяжело. Когда человек прошел скорбь, он будет обязательно любить, жалеть, помогать, сострадать, переживать, он близнему никогда не сделает плохого. Даже врагу, которого он будет понимать и прощать. Ведь даже в тот момент, когда нас обижают, – обидчик тоже расстраивается, и в голове у него стучит, и сердце стучит, и давление поднимается, и плохо спится, и таблетки не помогают.

Сказать-то о многом бы надо. Но не знаю, будет ли кому польза от этого, научат ли кого истории, собранные в этой книге. Я не собирался их публиковать, только рассказывал людям Божиим для спасения души – за мной записали эти рассказы. Не дерзаю оценивать их. Только бы помочь деток спасти от одичания души. И понять всем нам, что среди беззаконий наша задача – защищать правду, любовь, Закон

Небесный. Это Евангелие. Это Небесное Письмо, Господом для нас написанное, это источник нашей благодатной жизни. Это путь во Царствие Небесное.

Сила духа

Господи, прости их!

В Бога я верил с детства и, сколько помню себя, удивлялся всегда людям, смотрел на них с восхищением: какие они красивые, умные, уважительные, добрые. Действительно, в селе Колыванское Павловского района Алтайского края, где я родился в 1922 году, меня окружали замечательные люди. Отец мой, Яков Федорович, – учитель начальных классов, на все руки мастер, таких теперь и не сыщешь: и валенки катал, и кожи выделывал, и печки клал без единого кирпича – из глины... Любил я родной храм Казанской иконы Божией Матери, где меня крестили на Казанскую. Внимательная детская любовь была у меня ко всем односельчанам.

Но настало время, когда в 1930 году, на первой неделе Великого поста, отца посадили в тюрьму. За то, что отказался стать председателем сельсовета, не хотел заниматься организацией коммун, калечить судьбы людей – он-то, как верующий человек, хорошо понимал, что это такое: коллективизация. Власти предупредили его:

– Тогда сошлем.

– Дело ваше, – ответил он.

Так отец оказался в тюрьме, которую устроили в монасты-

ре в городе Барнауле.

Сразу после этого и всех нас в ссылку сослали. Восьмой год мне тогда шел, и я видел, как отбирали скот, выгоняли из дома, как рыдали женщины и дети. Тогда сразу что-то перевернулось в моей душе, я подумал: какие люди злые, не мог понять – с ума все сошли, что ли?

И нас, как и всех ссыльных, загнали за ограду сельсовета, своих же сельских поставили часовыми, дали им ружья. Крестная моя, Анна Андреевна, узнала, что нас согнали к сельсовету, принесла нам пирожков. Подбегает к нам, а молодой парень, поставленный караулить ссыльных, ружьем на нее замахнулся:

– Не подходи, стрелять буду!

– Я крестнику пирожков дать хочу!

– Не подходи, это враги советской власти!

– Что ты, какие враги, это же мой крестник!

Тогда парень нацелился на нее ружьем, грубо оттолкнул стволом винтовки. Она заплакала:

– За что ты меня, Иван?!

Свой, деревенский, русский человек, а дали ему ружье – и он меня, мальчишку, уже считает врагом советской власти. Вот такие мы грешные люди. Я этого никогда не забуду. Тогда, конечно, я не мог этого понимать, откуда все взялось, почему соседский парнишка – 14-летний Гурька – изо всех сил дал мне подзатыльник, когда я побежал к крестной: и по шее меня бил, и по боку, и пинком, и кулаком, и матерком!..

Я заревел. Подумал: почему люди, которых я хорошо знаю, вдруг зверями сделались?

Потом этого Гурьку на фронте убили. А много лет спустя, в 1976 году, когда я уже стал священником, увидел я его во сне. Будто идет прямо в землю огромная труба, а он держится за кромки этой трубы – вот-вот сорвется. Увидел меня – закричал:

– Ты меня знаешь, я – Гурька Пукин, спаси меня!

Я взял его за руку, вытащил, поставил на землю. Заплакал он от радости, начал мне кланяться:

– Дай Бог тебе вечного здоровья!

Проснулся я и подумал: «*Господи, прости его*». Это душа его молитвы просила. Пошел на службу, помянул, частичку вынул. Господи, прости нас, глупых! Мы же глупые. Это не жизнь, это травля жизни. Издевательство над самим собою и над другими. Господи, прости. Он же пацан был, 14 лет ему. Я помолился о нем, как мог. На следующую ночь снова увидел его во сне. Будто иду я, читаю Евангелие, а сзади идет он, Гурька. Опять кланяется и говорит:

– Спасибо тебе, дай Бог тебе вечного здоровья!

«Счастливые вы, что у вас все отобрали...»

Многое из этого, что случилось при раскулачивании, предсказала односельчанам прозорливая девица – монахиня Надежда.

Удивительна история ее жизни. Она с семилетнего возраста не стала вкушать мясное и молочное, питалась только постной пищей, готовя себя к монашеству. Отец ее всю жизнь был старостой в нашем Казанском храме, мамочка стряпала, убиралась в церкви. Когда Надежда выросла, за нее сватались два купеческих сына – ни за кого не пошла.

– До свидания! – вот и весь разговор.

Был в ее жизни случай, когда она обмирала, – трое суток ее душа была на Небе. Рассказывала она потом, как Царица Небесная ее трое суток по мытарствам водила. И когда очнулась Надежда, то весь девичий наряд раздала по бедным и стала ходить в льняной одежде. Все до ниточки было у нее льняное – даже ленточки в Евангелии.

Она каждый день вычитывала полную Псалтирь и одного Евангелиста. А потом шла на работу. Дров себе навозит на тележке, сеяла сама. А когда землю отобрали, она колосков наберет, на мельницу зимой свозит и живет этим. При этом она никогда ничем не болела.

Эта монахиня Надежда многим предсказала будущее –

вплоть до сегодняшнего времени. Я сам свидетель тому, что задолго до «перестройки» она говорила, что у людей будут «большие» деньги, мою жизнь наперед видела.

Ей и было открыто, кто не пойдет в коммуны, кто претерпит за это. В 28-м году, незадолго до раскулачивания, подойдет вечером к двери какого-нибудь дома и тихонько, чтобы не слышали дети, говорит:

– Молодцы вы, что в коммуны не пойдете. Но вас из дома выгонят, отберут землю, скот, все ценности и сошлют в ссылку.

А что такое коммуны – тогда никто и не знал, узнали после. И кого она известила – тех и сослали в ссылку, а к кому не подошла – те пошли в коммуны. Вот какое знание ей было дано от Бога. А когда стали ссылать земляков, она утешала их:

– Вы не плачьте – вы счастливые.

Представляете, какое счастье? Землю отобрали, скот отобрали, из дома выгнали, одежду самую лучшую отобрали. И это называется – счастливые?

– А вот когда Страшный Суд будет – это вам зачтется. Вы будете оправданы – не за то, что вы богатые, а за то, что вас сослали за Христа, что вы за веру страдали, терпеливо терпели.

Даже адреса назвала, кого куда сошлют, сказала, что всего там много будет – полно дичи, рыбы, ягод, грибов. Лес и поля свободные.

Действительно, монахиня Надежда оказалась права. Так и случилось. В тайге, куда нас сослали, девать некуда было рыбы, ягод, грибов, кедровых орехов.

Сначала, правда, очень тяжело пришлось. Люди в дороге сильно пострадали – больше чем полмесяца добирались до глухих лесов Томской области, куда нас определили жить. Вышли все продукты. Да к тому ж все у нас отобрали – не было ни мыла, ни соли, ни гвоздей, ни топора, ни лопаты, ни пилы. Ничего не было. Даже спичек не было – все выжгли в дороге.

Привезли нас в глухую тайгу, милиционеры показывают на нее:

– Вот ваша деревня!

Какой тут вой поднялся! Все женщины и дети закричали в голос:

– А-а-а! За что?!

– Замолчать! Враги советской власти!

И все такое. Страшно говорить. Умирать нас привезли. Одна надежда – на Бога. Да на свои руки. И дал Господь силы...

Спать легли прямо на земле. Комаров – туча. Костры горят. Утром рано лоси пришли на костры. Стоят, нюхают: что это за новоселы? Кедровые шишки лежат на земле, медведи подходят, выбирают орехи из шишек – но нас ни один медведь не тронул.

Потом огляделись: леса-то сколько, да бесплатно все! Во-

да чистойшая. Приободрились немного.

Ну, а затем пошла работа. Начали строить. Сделали общий барак – на пять семей. Дядя Миша Панин стал нашим опекуном, ведь я еще мал был – вот он и помогал. Там, в тайге, все работали – от мала до велика. Мужчины лес корчевали, а мы, дети (даже двухлетние), палочки бросали в костры и сучки жгли. Спичек не было – так мы днем и ночью держали костры. Зимой и летом. На сотни километров кругом – одна тайга. Среди тайги и появилась наша деревня Макарьевка. С нуля ее построили.

Мыслимо ли это, ни копейки у людей не было, никакой пенсии никто не получал, не было ни соли, ни мыла, ни инструментов – ничего. А строили. Продуктов не было – варили травы, все, в том числе и дети, питались травой. И здоровы были, не болели. Все навыки, приобретенные во время тех скорбей, очень мне пригодились позднее, когда я на фронте в блокаду попал. А я уже к тому времени прошел «курс выживания»...

Это была явная милость Божия, что мы выжили, несмотря ни на что. Хотя должны были погибнуть, если рассчитывать только на человеческие силы. В других местах судьбы раскулаченных складывались намного трагичней.

В 1983 году стала известна судьба поселенцев, вывезенных на безлюдный остров на реке Оби у села Колпашево в Томской области (я жил в этом селе некоторое время после войны). Местные жители называли этот остров Тюремный.

В 30-е годы туда привозили баржи со ссыльными – верующими людьми. Сначала собирали священников:

– Выходите, берите лопаты, копайте себе времянку.

Делили всех на две группы и одну заставляли пилить лес, другую копать. Оказалось, люди не времянки – могилы себе копали! Их надо было расселять, а их там расстреливали. Рядком посадят всех – и стреляют в затылок. Потом живым велят закапывать трупы, затем и этих расстреливали и закапывали.

В 1983 году в паводок этот остров сильно размыло, обнажились ямы, в которых закопаны были страдальцы. Трупы их всплывали – чистенькие, беленькие, только одежды истлели – и застревали в бревнах и прибрежных кустарниках. Люди говорили, что место то благодатное – тела мучеников все целы остались.

«Теперь я дома...»

А тем временем наш отец, сбежавший из тюрьмы, шел по тайге к месту нашей ссылки. И не знал, увидит свою семью в живых или нет.

Сам он чудом избежал смерти. Его должны были расстрелять – он знал это и готовился. Тогда много составляли ложных протоколов, показывающих, что у человека якобы было много батраков, – чтобы расстрелять его. Двоим его сокамерникам уже руки связали, повели на расстрел. Один из них, Иван Моисеев, успел сказать:

– Передайте нашим – всё кончено!

Пришла очередь и моего папки. Пришел прораб и говорит:

– Этих четверых сегодня на работу не пускать – их в расход.

Среди них был и отец. А прораб этот оказался его хорошим знакомым. Показал ему знаком – молчи, значит. Потом тайно вызвал к себе отца и помог бежать из тюрьмы.

Другой отцовский друг, дядя Макар, бегал в соседнюю деревню, чтобы узнать адрес, где мы находимся. И пошел отец пешком с Алтайского края в Томскую область. Полтора месяца шел, пешком одолел 800 километров. Без хлеба шел – боялся в деревни заходить, людей боялся. Питался сырыми грибами и ягодами. Спал все время под открытым небом –

благо лето было.

Нашел он нас в августе 1930 года. Сапоги изношенные, худой-прехудой, обросший, горбатый, грязный – совершенно неузнаваемый человек, старик стариком! Мы, дети, в это время в костер таскали все, что только могли поднять. Тоже грязные – мыла-то нет. «Старик» этот закричал громко:

– Где тут барнаульские?

Ему показывают:

– Вот эта улица Томская, а вон та – Барнаульская.

Он пошел по Барнаульской «улице». Видит – мамка моя сидит, вшей на детской одежке бьёт. Узнал её – переkreстился, заплакал и упал на землю! Затрясся от волнения и закричал:

– Вот теперь я дома! Вот теперь я дома!

Она от него отскочила – не узнала его совершенно. Он поднял голову, а в глазах – слезы:

– Катя! Ты меня не узнала?! А ведь это я!

Только по голосу она признала мужа, нас зовет:

– Дети, идите скорей! Отец пришёл!!!

Я быстро подбежал. Папка меня за руку поймал, а я вырываюсь, плачу. Испугался: что за старик оборванный меня сыночком называет. А он держит меня:

– Сынок! Да я же твой папка! – да как заплачет снова – обидно ему, что я не узнал его.

Потом другие детки подошли: 5-летний братишка Василий, 3-летняя сестричка Клавдия. Отец снимает с себя са-

модельный рюкзачок – холщовый мешок, вытаскивает грязненькое полотенце, в него была завернута зимняя шапка, а в ней – заветный мешочек. Развязал его отец и дает нам по сухарику. А сухарики такие круглые, маленькие, как куриный желток, – для нас хранил, хотя сам полтора месяца голодал. Дает нам по сухарику и плачет:

– Больше нечего дать вам, детки!

А у нас самих только вареная трава – нечего нам больше покушать. А отец так ослаб, что не может на ногах стоять. Мужики, которые барак строили, услышали, подскочили:

– Яков Федорович! Это ты?!

– Я...

Пообнимали его, поплакали. Но покормить нечем – у всех только трава. Красный кипрей. Мамка поставила отцу миску травы и его сухари ему же отдает:

– Ты сам покушай, мы-то привыкли травой питаться...

Отец наелся травы. Дядя Миша Панин дал ему поллитровую кружку киселя. Он пил-пил, потом повалился на землю. Посмотрели – живой. Накрыли каким-то тряпьем. Всю ночь спал отец – не шелохнулся.

На другой день он проснулся – солнце уж высоко стояло. Опять заплакал. Начал молиться:

– Слава Богу! Вот теперь я дома!

Снова накормили его травой – тем, что было.

– Давайте топор! – поплевал на руки и пошёл работать.

Он же мастер. Все сделать мог – все дома в нашей новой

деревне строил, с фундамента до крыши. Быстро построили барак. Только глухой ночью бросали работы – керосину-то не было. А отец и ночами работал – за неделю дом себе срубил, не спал нисколько. Представьте только: за неделю дом срубить! Вот как они работали!..

Я смотрю на тех людей и на нынешних. О-о-ох, какие мы лодыри. Мы страшные лодыри по сравнению с нашими отцами. Как же они работали! Да и мы, мальчики, даже малыши, едва ходить научившиеся, – уже будь здоров как вкалывали! Мне было семь с половиной лет, а я уж топором работал – папаша в соседних деревнях топор нашел. А корчевали как? Обрубим корни вокруг дерева, ждем, когда ветер его повалялит. Тогда обрубаем сучки – на дрова, в костер, пеньки – в кучу, а само дерево – на строительство.

«На божью волю!..»

Стала расти наша Макарьевка. Отец стал прорабом по строительству. Его все уважали, даже комендант – он ведь такой трудяга. Он сам был и архитектором, и плотником. Он здесь, в Макарьевке, все построил: и дома, и магазин, и школу – десятилетнюю, с жильем для учителей. За одно лето построили эту школу на месте глухой тайги.

У отца еще в Алтайском крае, перед арестом, отобрали мельницу, которую они со свояком держали на речке Барнаулке. В Макарьевке он тоже построил водяную мельницу – без единого подшипника, сделал деревянный вал, березовые шестеренки. Все удивлялись такому мастерству. Какая это была подмога для ссыльных! С трех поселков приезжали люди на ту мельницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.